

Фанатизм в исламской религии

Современный религиозный фанатизм представляет одну из глобальных опасностей для цивилизации. В статье выявляется цивилизационная специфика исламского фанатизма и устанавливается отличие религиозного фанатизма от любой другой разновидности этого явления.

Проблема так называемого «исламского фанатизма» активно обсуждается в последние десятилетия в отечественной и зарубежной научной и публицистической литературе. Несмотря на значительное количество исследований проблемы, часто различающихся между собой как по качеству, так и по подходам, сохраняется необходимость принципиально иного осмысления не только явления, которое в разных случаях именуется «исламским фанатизмом», но и самого подхода к изучению проблемы. Необходимо выявить цивилизационную специфику того, что называется исламским фанатизмом, установить, чем же он отличается от любой другой разновидности религиозного фанатизма. Очевидно, что изучение исламского фанатизма не должно сводиться к проблеме «исламского терроризма», «исламской угрозы», «многоуровневой нестабильности» и тому подобному.

В современном мире существует стереотипное представление о том, что ислам – фанатичная религия, и фанатизм есть следствие нетерпимости, имманентно присущей всему исламскому вероучению. Как пишет А. Сагадеев, «для некоторых европейцев и по сию пору мусульмане – это фанатики, готовые убивать всех, не согласных с их верой»¹⁴⁸. Обывателю настойчиво навязывается смысловая связь между исламским фанатизмом, фундаментализмом, экстремизмом, радикализмом, терроризмом, которые, в свою очередь, также объявляются исламскими феноменами. Довольно широко распространена характеристика исламского фанатизма как политического ислама, фундаментализма и экстремизма. Недифференцированный подход к данным явлениям, ставящий знак равенства между ними, сам по себе служит элементом определенной цивилизационной логики, искажающей объективную исследовательскую картину.

Потому нам нужно прежде всего установить специфику религиозной фанатической идеологии, а затем присмотреться к фанатизму в исламе. Можно сказать, что любая религиозная идеология с элементами антигуманизма потенциально содержит в себе ростки фанатизма, но они не всегда достигают полного развития. Чтобы она превратилась в фанатическую религиозную идеологию, эти ростки должны быть акцентированы, культивированы специальными идеологами и внедрены в подготовленное к их восприятию массовое сознание верующих. А важным условием такой под-

¹⁴⁸ Сагадеев А. Джихад // Наука и религия. 1986. № 6. – С. 18.

готовки является чрезвычайная историческая ситуация, угрожающая жизни верующего, из которой он не видит конструктивного выхода.

Присматриваясь к религиозному фанатизму, мы можем выделить следующие характерные его особенности: крайняя нетерпимость к инакомыслию, ко всем инаковерующим, особенно к неверующим; проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими; убежденность в обладании «богооткровенной» истиной, которая в этом смысле объединяет; очень резкие, четкие групповые границы, они не размыты, поэтому хорошо видно, где свои, а где чужие; избранность членов религиозного фанатического сообщества, понимание себя как элиты; наличие харизматических авторитарных лидеров; наличие директивных, жестких требований к поведению членов фанатического сообщества; четкое различие добра и зла и рассмотрение всех событий в разделительном поле между Богом и дьяволом, светом и тьмой; демонизация своих оппонентов; ксенофобия, боязнь всего чужого; избирательность фанатиков относительно своей традиции и современности (что принимать, а что отвергать); озабоченность эрозией религии в обществе, утратой религией того места, которое достойно религии и необходимо для нее. В общем, религиозная фанатическая идеология – это извращенная фантастическая программа преодоления острого конфликта между интересами определенной религиозной группы и ее социальных оппонентов, неадекватная форма разрешения нетерпимого исторического социального положения определенной группы верующих.

Изучая исламский фанатизм, нужно понять, в чем заключается принципиальная разница между такими исламскими феноменами, как набожность, благочестие и фанатизм. Представляется также важным выявление исторических корней исламского фанатизма, определение места фанатических тенденций в системе исламской цивилизации. В ходе научного анализа исламского фанатизма необходимо разграничить понятия «ислам» и «фанатизм». Нельзя согласиться с тем, что «каждый мусульманин – фанатик, хотя и не каждый фанатик – мусульманин».

Одна из важнейших характерных особенностей исламского фанатизма – тенденция к монополизации истины, наиболее ярко проявляющаяся в идее «обвинения в неверии и уходе от мира» (ат-такфир ва-ль-хиджра). Исламский фанатизм базируется на вере в истинность первоначального ислама, он чаще всего объясняется как идея восстановления изначального ислама через обращение к опыту (ас-салаф ас-салихун). Возрождение исламского наследия трактуется как реставрация раннеисламских социальных институтов и связанных с ними социальных и правовых норм. Избирательная актуализация шариатских норм приводит, в сущности, к формированию своеобразного «мифа о шариате», не совпадающего до конца с реальным историческим набором исламских норм. Таким образом, радикальное отрицание «нововведений» (бид'а) оборачивается новацией на более фундаментальном уровне.

Однако при ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что отмеченная селективная актуализация исламского нормативного наследия происходит не хаотически, она укладывается в определенную религиозную и политическую логику, отнюдь не являющуюся изобретением эпохи «исламского бума» второй половины XX века. Эта логика характеризуется прежде всего особым пониманием религиозных истин и отсылает к идее «восстановления изначальной чистоты веры». В исламских религиозно-реформаторских движениях она выступает в качестве альтернативы традиционному пониманию ислама (таклид), обвиняя его в искажении истинной веры, которое привело мусульманское общество в духовный и социальный тупик. Религиозные фанатики формируют новую мифологическую реальность, в основе которой лежит доведенная до логического предела бинарная оппозиция «мы – они». Миру, погрязшему в метафизическом невежестве (джахилийя), противопоставляется «спасаясь группа» (фирка наджия), имеющая закрытый характер, обладающая наиболее адекватным пониманием шариата и наделенная миссией распространения истинного Божественного порядка на все человечество¹⁴⁹.

Еще одна характерная черта исламского религиозного фанатизма – транснациональность. В отношении нее необходимо высказать следующие соображения. Во-первых, происхождение некоторых фанатических организаций не могло быть первоначально связано с религиозным фанатизмом, а джихадизм развился на одной из последующих стадий – после проникновения религии в местные гражданские общества. В свете этого особо показательны случаи с Палестиной и Чечней. В Чечне война «за национальное освобождение» (естественно, с точки зрения ее покровителей) постепенно преобразовалась в своего рода джихад. Подобным же образом вторая интифада проводится в Палестине формированиями, связанными с религиозным фундаментализмом, который потянул за собой типично светские группы наподобие Аль-Фата для того, чтобы сколотить союзы с теми, кто ранее рассматривался в качестве оппозиционных групп, и усилить их программу религиозным содержанием.

Во-вторых, переход в фундаменталистскую сферу привел к расширению способов нападения с использованием смертников, что делает соотношение между ценой и произведенным разрушением не только «чрезвычайно выгодным» для организаторов, но и трудным для противодействия ему. Так происходит потому, что жизнь преступника не ценится, поскольку это изначально заложено при выборе метода нападения – использование смертника.

В-третьих, обращение к религиозным мотивам позволяет организациям, которые до этого были связаны с определенной территорией и с политической, а часто и с «националистической» целью, соединиться с трансна-

¹⁴⁹ См.: *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата: исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. – М., 1988.

циональной террористической сетью и с группами, сосредоточивающими свои усилия на более глобальной борьбе.

Третья характерная черта после лишения статуса территории и транснационального характера исламского фанатизма касается «безгражданства» этого явления. В сущности, нет таких государств, которые непосредственно проповедовали бы фанатичную религиозную идеологию и практику. Как трагически доказал случай с войной против Ирака, свержение подобного режима не устраняет опасность фанатизма и терроризма, а напротив, создает фанатоблагоприятную ситуацию. Нет сомнения в том, что многие государства ведут себя недопустимым образом по отношению к международному сообществу. Это так называемые «государства-изгои», которые тайно проводят исследования в области ядерного вооружения, угрожают соседним странам, не уважают права человека, а также оказывают поддержку террористическим структурам и финансируют их. Но ни одно из этих государств не может рассматриваться в качестве ведущего «кукловода» фанатических движений.

Фанатичное неприятие приверженцами ислама иноверцев основывается на одном из предписаний мусульманской религии – призыве к священной войне за веру. Отечественные авторы выводят сущность джихада из анализа его социальных функций, среди которых называется морально-психологическая функция – «способность стимулировать религиозно-политическую активность мусульман, побуждать и привлекать их к участию в насилии, поддерживать в них религиозное рвение и даже фанатизм»¹⁵⁰.

Фанатичный настрой первых мусульман, обусловленный вполне определенным пониманием джихада, первоначально был направлен против арабских многобожников, затем он был ориентирован на «лицемеров» и вероотступников. По мере образования и расширения Арабского халифата войны за веру уже велись против других народов и государств и в «отдельных исторических условиях приобретали исключительное значение в мире ислама как выполнение мусульманами священной «небесной» миссии»¹⁵¹. Дальнейшая эволюция концепции джихада происходила в ходе укрепления мусульманского государства и включения в его состав различных по статусу регионов, культур и народов. Нужно было выработать принципы внутренней и внешней политики, устанавливать отношения с другими государствами, народами, культурами, религиями. «И положение о джихаде дополнилось трактовками понятий «дар аль-ислам» – земля ислама, территория полного господства мусульман, «дар аль-харб» – земля войны, то есть немусульманские территории, и «дар ас-сульх» – земля договора, то есть владения иноверцев, где мусульмане политической власти не имеют,

¹⁵⁰ *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата: исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. – М., 1998. – С. 191.

¹⁵¹ *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 87.

но пользуются религиозной свободой»¹⁵². В число объектов вооруженного воздействия в результате такой эволюции понятия «джихад» оказываются включенными многобожники и те, кто преследует мусульман; те, кто покушается на «область ислама»; притеснители веры; вероотступники; разбойники; монотеисты-немусульмане; отказывающиеся платить «джизию».

Коранические тексты о джихаде весьма разноречивы, что позволяет теологам трактовать их с позиций своего времени и в своих интересах. Появление противоречивых указаний о джихаде в авторитарных источниках объясняется изменением исторических условий жизни мусульманской общины и пророка Мухаммеда. Это дает неограниченные возможности для различных толкований джихада. К примеру, в Коране проводится некоторое различие между приверженцами разных религий. К последователям племенных культов, к многобожникам отношение резко враждебное: «О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость. И знайте, что Аллах – с богобоязненными!» К «имеющим Писание», то есть иудеям и христианам, Коран относится с некоторой терпимостью. Это и понятно, ведь на идейной почве именно данных религий, на путях их упрощения выросла идеология ислама. Одновременно в Коране встречаются предписания воевать и с теми, «которым ниспослано Писание, – с иудеями и христианами, если они не веруют в Аллаха и не подчиняются религии истины». В некоторых исламских течениях вообще стерлось всякое различие между сторонниками иных религий: все они рассматриваются как неверные, подлежащие или истреблению, или покорению.

В последующие эпохи мусульманскими богословами было проведено разграничение малого джихада и большого джихада, было подчеркнуто различное отношение мусульман к приверженцам немусульманских религий. В понятие «джихад» стал вкладываться самый разноречивый смысл: это и борьба за сбор урожая, и борьба с неграмотностью, и борьба нового со старым, и классовая борьба и пр. Собственно религиозные соображения в концепции «джихада» стали играть весьма незначительную роль. Как пишет А. Сагадеев, даже «“джихад меча” оказывался абстрактным лозунгом и осуществлялся лишь тогда, когда ему случалось совпадать с мирскими интересами мусульманских вождей»¹⁵³. Вследствие вышеуказанного общепринятой доктрины «джихада» в исламе нет и сегодня. В этой связи различные фанатически настроенные личности и фанатические исламские организации берут на вооружение те разновидности и толкования джихада, которые более всего соответствуют их конкретным интересам и фанатическим целям, что и дает основание некоторым западным исламоведом трактовать ислам как религию «огня и меча, а джихад – как стремление грабить,

¹⁵² Сагадеев А. Джихад // Наука и религия. 1986. № 6. – С. 19.

¹⁵³ Там же.

забирать в плен, убивать врагов, как агрессивное средство насаждения религии»¹⁵⁴.

Исламские фанатики, истолковывая джихад как призыв к вооруженной борьбе, считают его шестым «столпом» веры. «Джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником»¹⁵⁵, – заявляет один из авторитетных в исламском мире теоретиков и практиков радикального ислама. Мы же полагаем, что джихад представляет собой «концепцию религиозно-идеологического обоснования социального насилия в исламе, которая с собственных позиций объясняет общественные противоречия и формирует по отношению к ним выгодные властвующим элитам идейные и социально-психологические установки среди верующих-мусульман»¹⁵⁶.

Надо отметить и то, что в противовес фундаменталистам-фанатикам многие современные традиционалисты и особенно реформаторы ислама высказываются против использования концепции «джихада» для идеологического обоснования насилия и деструктивных действий. Так, Харун Яхья пишет, что использование «понятия «джихад» применительно к любым формам насилия, направленным против ни в чем не повинных людей, то есть для описания террора, является величайшей несправедливостью и искажением истины»¹⁵⁷. Реформаторы ислама исходят из того, что религиозная терпимость является основополагающим принципом ислама и настаивают на необходимости «интеллектуального джихада»: «“Священная война” такого рода должна быть направлена на изменение правил прошлого в соответствии с новой обстановкой (при условии, что эти изменения не нарушают общих традиционных принципов и ценностей) и одновременно на изменение современной ситуации там, где это требуется, чтобы привести ее в соответствие с этими общими принципами и ценностями»¹⁵⁸.

Ярко выраженные черты фанатической религиозной идеологической доктрины имеет ваххабизм, который может рассматриваться как часть более широкого идеологического течения в исламе – салафизма (суннитского фундаментализма). Ваххабитская идеология в целом не является исключительно фанатичной и не должна рассматриваться как таковая. Практика современных государств, таких, как Королевство Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, где ваххабизм является составляющей господствующей формы ислама, не позволяет однозначно считать ваххабизм фанатичной идеологией. Одновременно нельзя не видеть и того, что ваххабизм, являясь наиболее политизированной частью салафизма, приобретает в некоторых странах характер фанатической идеологии.

¹⁵⁴ Журавлев И.В., Мельников С.А., Шеринев Л.И. Путь воинов Аллаха. Ислам и политика России. – С. 193.

¹⁵⁵ Аль-Маудуди. Основы ислама. – М., 1993. – С. 101.

¹⁵⁶ Журавлев И.В., Мельников С.А., Шеринев Л.И. Путь воинов Аллаха. Ислам и политика России. – С. 191.

¹⁵⁷ Харун Яхья. Ислам проклинает террор. – Астана, 2002. – С. 36.

¹⁵⁸ Rahman F. Islam and Modernity. – Chicago, London, 1982. – P. 7.

Духовная и политическая логика, социальная этика и поведенческая модель, выработанные ваххабитами, сыграли немаловажную роль в общественной и религиозной жизни мусульман. Ваххабизм как религиозно-политическое движение возник в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммеда ибн Абд Аль-Ваххаба. Он «возник не случайно, не без обуславливающих его появление социально-экономических, религиозно-нравственных причин и идейных предпосылок»¹⁵⁹. Его возникновение было своего рода реакцией на конкретно-историческое состояние Центральной Аравии, было продиктовано объективными условиями и субъективными факторами в регионе Ближнего Востока и на Среднем Востоке в целом. Сами последователи этого учения никогда не применяли термин «ваххабизм», образованный от имени основателя движения. Более того, они категорически отвергают правомерность его употребления, называя себя муваххидун (последователи единобожия) или салафийун (приверженцы первоначального ислама). Термины «ваххабизм», «ваххабиты» впервые встречаются у мусульманских авторов, полемизировавших с Аль-Ваххабом, откуда они и были заимствованы западными авторами. Ваххабитская идеология сформировалась в результате богословской полемики по поводу очищения ислама от нововведений.

Ваххабизм возникает как фанатическая религиозная доктрина, отличающаяся принципиальной нетерпимостью к «новшествам», к любой практике, не санкционированной Кораном и Сунной Пророка. «У истоков своего возникновения это учение носило агрессивный характер, методы реализации идей на практике были крайне жестокими»¹⁶⁰. Аль-Ваххаб и его последователи вели непримиримую борьбу не только против явных рецидивов доисламских верований, но и с некоторыми официальными и общепринятыми модификациями ислама. Так, они выступали против культа святых, «чрезмерного» почитания пророка Мухаммеда, установления надгробных памятников и посещения кладбищ, стали порицать курение табака, музыку, песни, танцы и т. п.

К крайнему фанатизму приводят специфичная интерпретация Ибн Абд Аль-Ваххабом первоисточников ислама и его понимание самого процесса очищения веры. В его богословских рассуждениях явно доминирует стремление к упрощенному пониманию Корана и Сунны, нередко приводящему к тенденциозным выводам. «В учении ваххабизма центральное место занимает безоговорочный возврат к священным источникам ислама – Корану и Сунне, к неукоснительному соблюдению основных догматических предписаний и культовых действий «чистого» первоначального ислама и четырех праведных халифов»¹⁶¹.

¹⁵⁹ Абдуллаев М.А. Актуальные проблемы философской науки. – Махачкала, 1999. – С. 265.

¹⁶⁰ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам: история и современность. – Махачкала, 2002. – С. 245.

¹⁶¹ Там же.

В ваххабизме как фанатичной идеологической доктрине и социально-политической практике стержневой составляющей выступает идея защиты строгого единобожия (таухид) как главного принципа исламской религии. Ваххабизм интерпретирует исходный столп ислама «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его» таким образом, что требует поклоняться только Аллаху. Ни Мухаммеду, ни тем более другому религиозному авторитету поклоняться не следует. Воля Аллаха не подвластна Пророку. Никакого посредничества между Творцом и человеком не существует, человек находится под прямой защитой Аллаха. Идеологи ваххабизма считают Мухаммеда обыкновенным человеком, которого Аллах выбрал в качестве своего посланника для исполнения пророческой миссии. «Но его нельзя обожествлять, ему не следует поклоняться, у него ничего нельзя просить. Нельзя поклоняться его могиле, однако ее можно посещать без каких-либо просьб. К нему нельзя взывать о помощи, нельзя просить заступничества... Места, связанные с жизнью Мухаммеда, нельзя делать объектами поклонения»¹⁶². Обожествление Мухаммеда, других святых, поклонение их могилам являются проявлением многобожия. К обожествлению Пророка ведет и традиция празднования его дня рождения, не предписанная верующим ни Аллахом, ни самим Мухаммедом. Во всем надо исходить из Корана и Сунны и запрещать любое нововведение, не соответствующее этим источникам знания¹⁶³. В практику ваххабитов-фанатиков вошло повсеместное разрушение надгробий на могилах святых и праведников, сожжение книг богословов, не согласных с их учением.

Краеугольным камнем ваххабитской идеологии является таухид, то есть утверждение идеи единобожия во всех сферах жизни. Именно опираясь на него, ваххабиты отказывают в праве на существование многим традиционным для Северного Кавказа формам бытования ислама: различным суфийским практикам и связанным с ними культам, празднованию мавлида – дня рождения Пророка, которое в некоторых областях Северного Кавказа, например в Нагорном Дагестане, стало одной из форм привлечения божьей благодати – баракят. Обряд мавлида в Дагестане проводят сегодня вне зависимости от даты по самым разным поводам, будь то поминки усопшего, свадьба, призыв в армию или наречение именем, а также начало какого-либо важного дела.

Однако все это касается разногласий между самими мусульманами по поводу истолкования конкретных догматов ислама. Между тем принципом таухида ваххабиты обосновывают греховность подчинения светским властям и законам и настоятельную необходимость установления правления на основе принципов шариата. Например, если следовать исламу и принципу единобожия, нельзя прибегать к какому-либо суду, помимо суда на основе шариата; предоставлять право законотворчества кому-либо, кроме Аллаха (право издавать законы имеет только Всевышний); поддерживать светскую

¹⁶² Там же. – С. 247.

¹⁶³ См.: *Васильев А.М.* Пуристане ислама? – М., 1967. – С. 101–104.

демократию и вообще светский образ жизни; выступать за отделение религии от государства. Все это, по мнению ваххабитов, неприемлемо с точки зрения ислама и ввергает мусульман в тягчайший грех.

В то же время ваххабитская идеология содержит и некоторые элементы примитивного эгалитаризма, осуждение чрезмерного угнетения власти имущими народных масс. Многие успехи ваххабитского движения объясняются гуманными моральными лозунгами, хотя и провозглашаемыми абстрактно. Ваххабизм проповедовал идеи «братства всех мусульман, учил людей быть добрыми и осмотрительными, выполнять обещания, быть терпеливыми, не лгать, не клеветать, не сплетничать, не быть болтливыми, осуждал скупость, зависть, трусость и т. д.»¹⁶⁴. Ваххабитские проповеди о значимости важнейших ценностей нравственного порядка и идей социальной гармонии всегда импонировали угнетенным, превращая их в фанатиков. Однако, как указывают отечественные аналитики, в целом, «ваххабизм с его агрессивно-агитационными установками и претензиями на монополизацию священной истины – это путь к хаосу и распаду под привлекательными лозунгами...»¹⁶⁵.

Ваххабитский фанатизм коренится и в особом понимании джихада как непримиримой борьбы не только против язычников, но и против мусульман, не разделяющих ваххабитские воззрения. Такой установкой оправдывались нетерпимость и жестокость ваххабитов по отношению к своим противникам из мусульманской среды. Абд Аль-Ваххаб «отстаивал идею джихада против многобожников и мусульман-вероотступников. Вероотступниками он считал всех мусульман, которые не разделяли его идеи. Так, еще в XVIII веке сформировалась идеология этого фанатичного учения»¹⁶⁶.

Ваххабитский фанатизм основывается и на особом понимании «обвинения в неверии и ухода от мира», в соответствии с которыми мусульманин, лицемерно заявляющий о своей приверженности исламу, должен быть разоблачен и казнен. Впоследствии такая логика отнюдь не исламского происхождения, оправдывающая убийство единове́рца и просто оппонента, легла в основу террористической деятельности мусульманских фанатиков. «Такой фанатизм спланировал и дисциплинировал ваххабитов, создавая религиозно-идеологическое оправдание вполне антиисламским по своему духу и характеру действиям»¹⁶⁷.

Обоснование законности с религиозной точки зрения вооруженного джихада приводит к своеобразной интерпретации «шахидизма». Термином

¹⁶⁴ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам: история и современность. Махачкала, 2002. – С. 249.

¹⁶⁵ Алиев А.К. Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. – Махачкала, 2003. – С. 160.

¹⁶⁶ Абдуллаев М.А. Исламский фундаментализм и формы его проявления // Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию РЦЭИ ДНЦ РАН (1–3 октября 2002 г.). – Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2004. – С. 152.

¹⁶⁷ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 304.

«шахид» традиционно обозначали мусульманина, пожертвовавшего собой за веру, принявшего мученическую смерть. Воина, павшего в битве с врагами Аллаха и мусульман, в раннем исламе именовали шахидом. На протяжении истории ислама в религиозном сознании постепенно укрепился культ мученичества за веру, шахиду обещается освобождение от личных проблем, вечная жизнь в раю, приобретение почетного положения для себя и своей семьи и прочие блага. Сегодня к шахидам относят всех умерших насильственной смертью, в числе которых – убитые человеком, животным, погибшие во время стихийных бедствий, эпидемий, утонувшие, отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т. д.¹⁶⁸

Фанатическая деятельность шахидов основана на манипулировании устоявшимся смыслом данного понятия. Фанатические движения прославляют самоубийц, интерпретируя «шахидизм» как «Священную войну за веру». Они абсолютно игнорируют то, что, согласно исламской ортодоксии, мусульманин, сознательно совершивший самоубийство, не может считаться шахидом, что Аллах считает тягчайшим грехом и никогда не прощает самоубийство, повлекшее за собой гибель ни в чем не повинных мирных людей. Идеологи исламского фанатизма представляют шахидизм как необходимость, основанную на законах «Священной войны». «По их мнению, нет более эффективного способа нанести ущерб, напугать врага и посеять страх в рядах противника, сорвать его планы – и все это при минимальных потерях»¹⁶⁹.

Подготовка шахида-самоубийцы осуществляется в фанатогенной обстановке, в условиях кризиса религиозной общины. Лидеры фанатических организаций целенаправленно формируют фанатическую психологию и готовность к выполнению «божественной» миссии у восприимчивых личностей на основе их внутренней предрасположенности к такому шагу. Технологии подготовки фанатиков, готовых отдать свои жизни ради религиозной идеи, известны со времен Средневековья. Они помимо обычных боевых искусств включают систематическое курение гашиша, в результате чего радужные видения обретают необычайную силу. Существует легенда о горной долине с роскошными садами, меблированными интерьерами и черно-окими гуриями, являющимися к будущим героям. Марко Поло свидетельствует, что молодого человека, выбранного в убийцы, одурманивали опиумом и относили в чудесный сад: «Там произрастали лучшие плоды... В родниках текли вода, мед и вино. Прекрасные девы и благородные юноши пели, танцевали и играли на музыкальных инструментах»¹⁷⁰. Все пожелания будущего убийцы мигом сбываются в этом саду, а служанки постоянно внушают: «Ты в раю. Твой владыка прислал тебя к нам. Мы гурии...» Через несколько дней, во время сна, его уносили из сада. Когда он пробуждался, его убеждали, что он побывал в раю и может вернуться туда обратно, если убьет врага религии Аллаха. Подобные методики и сегодня используются

¹⁶⁸ Ислам: Энциклопедический словарь. – С. 296.

¹⁶⁹ *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 105.

¹⁷⁰ Цит. по: *Голядин А.* Ассасины, или Люди гашиша // Знание и сила. 2002. № 5. – С. 107.

для превращения невежественного человека в фанатичного самоубийцу. Методы психологической подготовки будущих «шахидов» подробно описаны в монографии И.П. Добаева и В.И. Немчиной.

Современный исламский фанатизм по большей части имеет четкую направленность на внешнего врага, поскольку он рассматривает Запад как главного врага исламской цивилизации. Он является «реакцией на политику навязывания общественных порядков, образа жизни, культуры и морали буржуазной Европы»¹⁷¹. Антизападный пафос исламского фанатизма проявился еще в политическом проекте ассоциации «Братья-мусульмане», которая была создана в Египте в 1920-е годы.

Крупнейший идеолог исламского фанатизма Сейид Кутб (1906–1965) представлял наиболее экстремистское крыло египетских «Братьев-мусульман». Именно он внес основной вклад в разработку современной фанатической доктрины «обвинения в неверии и ухода от мира» (ат-такфир ва-ль-хиджра). Суть этой доктрины заключалась в следующем: неприятие миром шариата в качестве источника власти (ал-хакимийя ал-ислаимийя) является причиной того, что в мире господствуют духовное невежество (джахилийя), незнание истинного Бога и истинной веры (то есть ислама), многобожие, поклонение иному помимо Бога (ширк). Исходя из этой посылки, Кутб, вопреки исламской традиции, делит человечество не на мусульман и немусульман, а на мусульман, строго придерживающихся законов шариата, и «неверных» (куффар), т. е. всех остальных. Между первыми и вторыми не может быть примирения и компромисса. Таким образом, Кутб относит к числу неверных и большинство мусульман.

С точки зрения Кутба, земля ислама (дар ал-ислам) – это лишь те государства, законом которых является шариат. Все остальные – это дар ал-харб. В состоянии невежества (джахилийя) пребывают коммунисты, идолопоклонники стран Востока и Африки, христиане и иудеи, исказившие веру, наконец, все мусульмане, кто не придерживается идеи абсолютного поклонения и подчинения единому Богу в интерпретации Кутба. Идеологии секулярного мира предстают у Кутба новыми идолами, а грех идолопоклонства, согласно Корану, является тягчайшим из грехов. Для мусульманина, считает Кутб, его национальность заключена в исламе, в принадлежности к мусульманской общине (умма).

Разрабатывая социальные установки своей фанатической доктрины, Кутб писал в книге «Социальная справедливость в исламе», что все социальные проблемы разрешимы только на основе Корана. Ислам опирается на принцип социальной солидарности и приоритет общественных интересов, сбалансированных с личными интересами членов общины. Ислам и социализм – две непримиримые системы взглядов и образа жизни. Социализм, коммунизм и капитализм он относил к высшей ступени джахилийи, поскольку

¹⁷¹ *Абдуллаев М.А.* Исламский фундаментализм и формы его проявления // Северный Кавказ и Дагестан: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. – Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 2004. – С. 152.

эти мировоззрения исходят из приоритета материального над духовным, в то время как в исламской доктрине делается упор на соединении всех духовных, моральных и социально-экономических элементов, определяющих жизнь человека, его материальный достаток¹⁷².

Идеи С. Кутба развивает Абд ас-Салям Фараг, являющийся основателем египетской ультрарадикальной группировки «Аль-Джихад». Разрабатываемая им фанатическая идеология является платформой террористической деятельности многих современных радикальных группировок. Призывая к вооруженной борьбе с властями, с идолопоклонничеством, с приверженцами других религий, с неверующими, он доходит до прямых призывов убивать и тех мусульман, которые игнорируют нормы шариата. Он утверждает, что вероотступник хуже неверующего, «с ним нужно воевать, пока он не вернется к Суду Аллаха и его посланника и не перестанет судить ни в большом, ни в малом другим судом»¹⁷³.

Логика современного исламского фанатизма основывается на ваххабитской модели, отождествляющей суть ислама с ее буквальным выражением. «Неоваххабитская» доктрина, базирующаяся на концепции Аль-Ваххаба и его сподвижников, дополнена новыми идеями, а по другому расставленные акценты усиливают ее фанатическую составляющую. Современный автор пишет: «В этой книге я ответил на все вопросы, касающиеся постулатов исламской веры, подкрепляя по мере возможности свои ответы цитатами из Корана и достоверного Хадиса, чтобы убедить читателя в правильности ответов»¹⁷⁴. Методика аргументации неоваххабитов сводится к подкреплению собственных идей и домыслов цитатами, произвольно выхваченными из Корана и Сунны, в то время как ортодоксальный ислам стремится «осмыслить суть того, что именно Создатель счел нужным довести до людей в Коране и Сунне Пророка»¹⁷⁵.

Способы аргументации, к которым прибегают неоваххабиты, создают внешнее впечатление истинности их выводов, а по сути извращают смысл Корана и Сунны. Неоваххабитская логика религиозного и политического преобразования действительности в значительной мере противоречит духу общепринятой мусульманской традиции. Неоваххабиты, произвольно расширив круг объектов такфира, абсолютизовав такие понятия, как «неверие», «многобожие», «язычество» и др., приходят к полному отрицанию возможности иного понимания текстов Корана и Сунны. В этой ситуации неоваххабиты, претендующие на особую ортодоксальность, оказываются, по сути, фанатиками-сектантами, противопоставившими себя всему остальному мусульманскому сообществу.

¹⁷² См.: Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. – М., 1984. – С. 94–95.

¹⁷³ Малащенко А.В. Неприятие фундаментализма как его зеркальное отражение // НГ-религия. 1997. 25 декабря.

¹⁷⁴ Мухаммад ибн Джамиль Зину. Исламская Акида (вероучение, убеждение, воззрение) по Священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммеда. – М., 1998. – С. 4.

¹⁷⁵ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 75.

Неоваххабитский фанатизм невозможен без «образа врага», и потому он проводит четкое разделение на «своих» и «чужих». Действительно, фанатическое религиозное рвение должно быть на кого-то направлено. Для создания объекта фанатического воздействия идеологи современного ваххабизма, провозглашая строгое единобожие, настолько расширительно толкуют понятие «враг ислама», что включают в эту категорию всех тех, кто не является их единомышленниками. Причем это разделение проводится даже более четко в самой мусульманской среде. «Последователи ваххабизма считают кяфирами (неверными) всех мусульман, не принимающих их учения, поэтому с ними надо вести Священную войну. Они объявляют себя бескомпромиссными борцами за «чистоту» веры, восстановителями ее в первоначальной форме. Но это только лозунги. Называя только себя «чистыми», а всех остальных вероотступниками, они вкладывают в этот тезис глубокий смысл: если ты истинный мусульманин, то ты должен быть ваххабитом, а в противном случае – ты кяфир»¹⁷⁶. По логике неоваххабизма, только сами они являются настоящими, «истинными» мусульманами. Все те, кто не разделяет их взглядов – вероотступники. Поклонение Аллаху у могилы праведного человека, ношение амулетов, гадание по звездам и пр. объявляется вероотступничеством¹⁷⁷. Вероотступники наносят больший вред исламу, чем кто-либо другой. Не имеет никакого значения, называют ли они себя мусульманами или нет. Определяющим является отношение верующего человека к их видению, к их интерпретации исламского вероучения.

Неоваххабитский фанатизм находит свое выражение и в том, что ни при каких условиях невозможно покинуть общину из-за того, что вы разочаровались в идеологии или практике ваххабизма. Намерение покинуть общину обсуждается на собрании всего джамаата, которое будет решать вопрос о том, как вас вернуть в лоно истинной веры. Неоваххабиты утверждают, что любое отступление от единобожия превращает мусульманина в «неверного». Им совершенно неважно, что Пророк много раз указывал на то, что мусульманин не должен покушаться на кровь, имущество и честь другого мусульманина, что в обнародованном еще в 1017 году «Кадирийском трактате веры» говорилось: «Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-либо из законных установлений веры, исключая, конечно, предписанную молитву»¹⁷⁸.

Неоваххабиты обвиняют прочих мусульман в отходе от единобожия. Отошедшие от единобожия становятся мушриками, то есть многобожниками, кяфирами, неверными. В первую очередь это относится к северокавказским последователям суфизма и околосуфийских культов (почитания святых могил и т. д.). В записях неоваххабитов сказано: «Мушрики, поклоняющиеся своим шейхам или их могилам, на словах утверждают свиде-

¹⁷⁶ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам: история и современность. – Махачкала, 2002. – С. 249.

¹⁷⁷ См.: Башамил М.А. Как мы понимаем единобожие. – Махачкала, 1997.

¹⁷⁸ Цит. по: Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1996. – С. 203.

тельство «Ла илаха иллаллах» – «нет бога, кроме Аллаха», – но своими делами отрицают его смысл. Они произносят свидетельство, но потом обожают кого-то помимо Аллаха, обращая к нему поклонение, будь то любовь, возвеличивание, страх пред ним, надежда, упование, мольба и другие его виды – ведь все это поклонение, а поклонения достоин только Всевышний Аллах, свят Он и могуч»¹⁷⁹.

Последнее положение, вполне справедливое с точки зрения любого верующего мусульманина, получает у неоваххабитов гипертрофированное выражение. Переходя всякие допустимые границы, наиболее радикально настроенная часть неоваххабитов полагает, что единственный достойный уважения в двух мирах – это Аллах. Отсюда отрицание каких бы то ни было авторитетов, подчеркнутое пренебрежение к широко распространенным на Северном Кавказе традициям уважения старших (которые почему-то интерпретируются как поклонение старикам). В неоваххабитской общине царит подчеркнутое равенство всех ее членов. Никому, даже амиру (главе общины), не оказывается особых знаков почтения. Интересно, что часто противники неоваххабитов из среды простых мусульман в качестве отрицательной черты их поведения приводят именно отсутствие почтения к старшим.

Обвинений в вероотступничестве часто не могут избежать даже те, кто излагает вполне ортодоксальную точку зрения. Основываясь на аяте 67 Суры «Покаяние»: «Лицемеры и лицемерки – одни от других... Забыли они Аллаха, и забыл Аллах про них. Поистине, лицемеры, они – распутники!»¹⁸⁰, неоваххабиты делают вывод, что обвиняемые ими в лицемерии находятся вне шариата, следовательно, и вне ислама. Объявляя мусульман, скрывающих неверие внешним выказыванием приверженности к исламу, лицемерами, неоваххабиты прямо угрожают мусульманам: «нарушающий (принцип единобожия ваххабитов. – М.Я.), открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его»¹⁸¹. Потому, наверное, в конспектах ваххабита среди четырех типов джихада назван и джихад против лицемеров (наряду с джихадом против шайтана, души и неверных)¹⁸².

Свою богоизбранность неоваххабиты обосновывают ссылками на хадис, приводимый Аль-Бухари: «Всегда будет в моей Умме одна община, победоносная, стоящая за правое дело, и она будет воевать»¹⁸³. Истинный ваххабит обязан ненавидеть всех врагов ислама, всех тех, кого его единоверцы считают неверными, и его ненависть должна обретать практические

¹⁷⁹ Кредо ваххабита (публикация А.А. Ярлыкапова) // Дия-Логос: Религия и общество. Альманах. 2001. – С. 246.

¹⁸⁰ Коран. – С. 168.

¹⁸¹ *Бен-Баз Абдуль Азизз Бен Абдулла*. Необходимость соблюдения Сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожниками тех, кто ее отвергает. – Эр-Рияд, 2000. – С. 35.

¹⁸² Кредо ваххабита... – С. 240.

¹⁸³ Там же. – С. 243.

формы, т. е. он должен уничтожать неверных. «Убийство “врагов ислама” должно, по убеждению носителей радикальной идеологии, проводиться системно и организовано – в форме джихада против всех категорий “неверных”¹⁸⁴. Здесь примечательно то, что джихад понимается прежде всего как вооруженная борьба. «Когда мусульманин будет исполнять все столпы религии, где вершина этих столпов – Джихад на пути Аллаха, тогда Аллах утвердит его столпы. Если же имеющий силы человек уклоняется от Джихада, то тем самым он подвергает себя опасности в отношении религии»¹⁸⁵. Сторонникам ортодоксального ислама, признающим пять столпов ислама, в число которых джихад не включается, подобное утверждение кажется странным. А. Игнатенко показывает, как на основе подобных мировоззренческих установок неоваххабизм разрабатывает фанатическую и человеконенавистническую идеологию, ведущую к деструктивной террористической деятельности¹⁸⁶.

Фанатизм является характерной чертой не только неоваххабизма. Он в определенной мере свойственен и представителям традиционного ислама, и модернизаторам-реформаторам ислама. В этом отношении примечательна фраза, которую произнес в 1998 г. ныне покойный муфтий Дагестана Сайидмухаммад Абубакаров: «Всякий мусульманин, убивший ваххабита, попадет в рай, как и мусульманин, погибший от рук ваххабитов»¹⁸⁷. Драматические события, которые продолжают иметь место на Северном Кавказе, во многом объясняются и подобными взаимоотношениями представителей ислама. Потому необходимо отойти не только от подобных взаимоотношений между верующими, но и «отказаться от воинственной конфронтации представителей религии и ее убежденных критиков по принципу “кто не с нами, тот против нас”»¹⁸⁸.

Можно утверждать, что современные фанатические исламские идеологические доктрины находятся в целом в стороне от магистральной линии развития исламской цивилизации. Это подтверждается и тем, что к моменту активизации фанатичных религиозно-политических течений в исламском мире сама по себе мусульманская религия в том виде, в котором она существовала, не препятствовала политической модернизации. Одним из основных векторов этой модернизации был поиск путей синтеза европейских (в основном левых) политических и социальных идей и традиционной исламской системы ценностей. В то же время в 70-е годы XX века все большую силу приобретают радикальные религиозно-политические движения, опи-

¹⁸⁴ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – С. 82–83.

¹⁸⁵ Кредо ваххабита (публикация А.А. Ярлыкапова) // Дия-Логос: Религия и общество. Альманах. 2001. – С. 243.

¹⁸⁶ См.: Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я. Белокриницкий и А.З. Егорин. – М., 2001. – С. 14.

¹⁸⁷ Абдуллаев Н. Ислам и власть в Дагестане // Дия-Логос: Религия и общество. Альманах. 2001. – С. 211.

¹⁸⁸ Алиев А.К. Северный Кавказ: современные проблемы этнополитического развития. – Махачкала, 2003. – С. 514.

рающиеся на фанатичную концепцию «обвинения в неверии и ухода от мира» (ат-такфир ва-ль-хиджра).

Фанатический настрой исламского радикализма во многом объясняется и неприятием мусульманской общиной западных ценностей. Вестернизация мусульманских стран вызывает мощный социальный протест, направленный не только вовне, но и против правящих режимов, лояльно настроенных к Западу. Можно однозначно утверждать, что всплеск фундаменталистского фанатизма, представляющего собой новый «возврат к истокам», вызван одновременно и наступлением Запада в сферах экономики, политики и технологии, и ползучей «вестернизацией» быта, нравов, социальных связей между людьми, подрывающей традиционную монополию ислама в этих сферах жизни мусульманского общества, и болезненной ломкой структур этого общества в ходе его трудного приспособления к требованиям модернизации хозяйственных механизмов и глобализации мировых экономических связей. Результатами процессов модернизации и глобализации явились быстрый рост обнищания Востока, высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. Около половины (свыше 40 %) этих лиц остаются безработными или людьми без определенных занятий, что превращает города Востока в социальный пороховой погреб. В тех регионах Востока, где модернизация и «вестернизация» (а значит, и глобализация) проходят менее болезненно по историческим, социокультурным и иным причинам (в том числе – религиозным), социальное недовольство проявляется в меньшей степени.

На идеологию и практику фанатизма заметное влияние оказывает экономическое и социально-политическое положение населения. Внутренние процессы, происходящие в странах мусульманского Востока, способствуют увеличению числа людей, которых легко привлечь в фанатические военизированные структуры. За последние десятилетия большинство традиционно аграрно-крестьянских арабских стран перестало быть таковым в результате урбанизации. Это вытолкнуло за грань бедности массы людей, воспитанных в мусульманских традициях. Только в одном Египте, по данным Арабского фонда социально-экономического развития, насчитывается около 2 млн безработных, по большей части молодежи со средним или высшим образованием¹⁸⁹. Из такой среды легко вербовать шахидов, готовых убивать и приносить в жертву свои жизни ради идей, проповедуемых разного рода «духовными наставниками». В свое время США приложили немало усилий для того, чтобы подготовить и направить «праведный» гнев исламских фанатиков против Советского Союза. Сегодня по принципу бумеранга это больно бьет по самим США и их союзникам. «Аль-Каида» и ее руководитель Усама Бен-Ладен тому пример.

Определенное влияние на рост фанатических настроений в мусульманском регионе оказывает и процесс «глобализации по-американски».

¹⁸⁹ Панарин А. Искушение глобализмом. – М., 2002. – С. 8.

Суть этой глобализации заключается в установлении «господства международной диаспоры финансовых спекулянтов над нациями, теряющими экономический суверенитет»¹⁹⁰. Никакие попытки завуалировать эту суть лозунгами об оказании содействия развитию экономик стран «третьего мира» ничего не меняют.

Современные технологии дают фанатикам любого толка мощные средства разрушения. В отличие от прежних времен, сегодня фанатические организации в борьбе друг с другом и в попытках преобразовать весь мир по своим утопическим программам и идеалам вполне способны нанести колоссальный ущерб всей земной цивилизации и вообще уничтожить ее во имя своих безумных идей. Таким образом, современный фанатизм представляет одну из глобальных опасностей для цивилизации. Поэтому помимо выяснения сущности и анализа исторических форм религиозного фанатизма, особенно его современной специфики, актуальной становится проблема профилактики и борьбы с фанатизмом.

¹⁹⁰ Там же. – С. 9.